

BARBARA OLASZEK
Łódź (Polska)

ЭРИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ МОДЕЛИ СПОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗБРАННЫХ РОМАНОВ ИВАНА ТУРГЕНЕВА)

Спор в данной статье понимается по-бахтински, – как первичный речевой жанр, разновидность диалога, который, трансформировавшись, используется во вторичных речевых жанрах (романе)¹. *Спор* в функции средства художественной коммуникации определен в современном *Большом толковом словаре русского языка* как: «словесное состязание, обсуждение чего-либо двумя или несколькими лицами, в котором каждый отстаивает свое мнение»², т.е. в этом определении подразумевается сюжетная ситуация, участники которой обмениваются репликами. Этот обмен предполагает диалогическую форму общения, в которой говорящий (речевой субъект) обращается к слушающему в форме высказывания, надеясь на ответное понимание. Его высказывание одобряется в форме похвалы и одобрения или оспаривается слушающим в форме возражения, порицания.

Эристические техники в споре (от греч. *eristiké /techné/* – искусство спорить) означают «искусство вести диспут, искусство умственного фехтования, подчиненное правилам (Шопенгауэр)»³ или «искусство спора нечестными средствами. Эристическая аргументация направлена на то, чтобы доказать правоту спорящего вне зависимости от его истинной правоты»⁴.

Модель спора и приемы искусства спорить разработал Артур Шопенгауэр в труде *Эристика, или искусство побеждать в спорах* (1830). Философ ссылаясь в нем только на Аристотеля (*Риторика*) как предшественника в разработке искусства спорить. Современные исследователи считают предшественником Шопенгауэра греческого мыслителя Максимоса⁵. Модель спора в изложении Шопенгауэра содержит следующие элементы: формулировку тезиса (предпосылки), прямые и косвенные способы

¹ М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979, с. 243.

² *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2003, с. 1251.

³ *Краткая философская энциклопедия*, ред. Е. Ф. Губский и др., Москва 1994, с. 544.

⁴ См. на сайте: ru.wikipedia.org/wiki/

⁵ Ежи Котарбиньски в учебнике *Логика для юристов* (1975) упоминает еще труд греческого ученого Максимоса *Peri ton alyton anthitheseon*.

опровержения тезиса (аргументация) путем логико-лингвистических структур, завершение спора (утверждение). Автор *Эристики...* уделил много внимания техникам недобросовестного спора (эристической диалектике). Он выделил и определил 38 способов успешного спора.

Литературную модель спора как речевого жанра – составной вторичных речевых жанров, – разработал Бахтин⁶. В его интерпретации спор – это реакция на ответное понимание реплики в диалоге. В процессе спора образуется цепь: утверждение (мое или чужое слово) – возражение (соответствующая реакция, предполагающая аспекты: мое слово против чужого слова или чужое слово против моего слова) – завершение (согласие или несогласие с исходным утверждением, последнюю ситуацию считаем незавершенным спором).

В теоретической логической модели спор требует формулировки предпосылки (начало спора), аргументации (основания посылок), утверждения.

В жизненной практике спор вызывается недоразумением, непониманием, нежеланием учесть интересы и аргументы оппонента. Спорщики, нарушая правила диалога, образуют помехи в межчеловеческой коммуникации и спор превращается в *ссору*. Субъект спора, нарушая устоявшиеся и закрепленные в жизненной практике других субъектов привычки и представления о мире, вступает с ними в вербальные прения (вербальный спор в форме первичных речевых жанров), целью которых является убедить оппонентов в своей правоте, но не для того, чтобы найти платформу взаимопонимания и согласия (выяснение истины), а чтобы провести свою точку зрения (завоевать авторитет у других, удовлетворить свое самолюбие). Гносеологический аспект спора вытесняется аспектом аксиологическим и уходит на второй план.

Литературная модель спора предполагает сюжетную ситуацию изменения обстоятельств, внешних или внутренних, нарушающих установленный и привычный порядок вещей, а также изменения во взаимоотношениях персонажей друг с другом и с действительностью⁷. Отражая сложные межчеловеческие отношения, спор отражает опыт не только отдельной личности, но

⁶ М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества...*, с. 250.

⁷ *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*, гл. ред. Н. В. Тамарченко, Москва 2008, с. 39.

и нации, потому что основывается на национальных стереотипах, т.е. он культурологически и исторически обусловлен. «Противоречия русского бытия, – считает Николай Бердяев, – всегда находили себе отражение в русской литературе и русской философской мысли»⁸.

В данной статье сосредоточим внимание на эристических техниках в литературной модели спора, созданной Иваном Тургеневым.

В романе *Рудин* в спор вступают персонажи Пигасов и Рудин. Первый решительно оспаривает смысл общих рассуждений, обзрений, заключений, систем, на которых настаивает Рудин (предпосылка), противопоставляя им значение фактов и опыта (основание посылки). Пигасов требует в споре опровержений, доказательств (отклоняет способ аргументации). Его оппонент Рудин вместо опровержений представляет ничего не значащие общие фразы (словесный поток, рассчитанный на то, чтобы ошеломить противника). Неубежденный ими Пигасов прекращает спор («отошел в сторону»), благодаря чему спор не завершен, а публика спора в лице Дарьи Михайловны такой исход спора называет «бегством» (по типологии техник, предложенной Шопенгауэром, его можно назвать диверсией). Хотя спор между Пигасовым и Рудиным имел личный характер (об этом свидетельствует способ аргументации и переключение внимания с предмета спора на противника, спорящего, чтобы удовлетворить свое тщеславие перед собранным в салоне обществом и молодежью, ищущей своего кумира), то в действительности представлял собой спор принципиального значения: о первенстве действий перед словами. В итоге, спор оказался не эристическим, а идеологическим.

В романе *Дворянское гнездо* спорят представитель уездной дворянской интеллигенции Федор Лаврецкий и столичный чиновник Владимир Паншин. Объектом спора стала актуальнейшая тема дальнейшего пути России в условиях подготовки к отмене крепостного права: проевропейского или традиционного русского. Спор затеян Паншиным не для обсуждения важнейших вопросов и выработки истины, а для утверждения своего мнения. Цель затеянного спора эристична (Паншин рисует перед провинциальным обществом, особенно перед дамами). Об этом

⁸ Н. Бердяев, *Судьба России*, Москва 1990, с. 11.

свидетельствуют слова рассказчика о спорщике: «причем, не упустил случая изложить, как бы он все перевернул по-своему, если б власть у него была в руках»⁹ (эристический прием иронии в свой адрес). Паншин «говорил красиво, но с тайным озлоблением», «бранил», «возражал раздражительно и резко» (провоцирование лишних эмоций). Избранный Паншиным метод спора не принес ожидаемых результатов: Лаврецкий не дал себя спровоцировать: «не возвысил голоса», «отстаивал», «заступался», «и покойно разбил Паншина на всех пунктах», доказывая и, приводя примеры (отказ от эристических уловок во имя прямой логической аргументации). Исход спора не равнозначен одобрению Паншиным аргументов Лаврецкого. Повествователь сообщает, что Паншин, раздосадованный, «замялся – и замял разговор» (диверсия).

Спор в романе *Отцы и дети* включает два типа аргументации: *ad rem*, т.е. по существу, и *ad personam*, т.е. по личным причинам.

Исходной точкой сюжетной ситуации спора в этом романе является появление в родовом гнезде Кирсановых Евгения Базарова, представленного нигилистом Аркадием Кирсановым. Эта рекомендация имеет контекстуальный характер и достаточна для обоснования неминуемости будущего спора (*ad personam*) представителей двух разных слоев – дворянского и разночинского. Уже в исходной ситуации первого знакомства потенциальных спорщиков намечается дифференциация и расхождения в стиле их поведения. Базарова раздражают аристократические манеры Павла Петровича, щегольство в поведении и одежде, уход за телом, чрезмерное внимание к личному туалету, бытовое англоманство. Замечания Базарова в адрес Павла Петровича касаются деталей: ухода за гигиеной («Щегольство какое в деревне, подумаешь! Ногти-то, ногти, хоть на выставку посылай!», «такие у него удивительные воротнички, точно каменные, и подбородок так аккуратно выбрит», III, 181), но на их основании формулируются важные оценки, а именно осмеяние противника: «Аркадий Николаич, ведь это смешно» (III, 181).

⁹ И. С. Тургенев, *Собрание сочинений в двенадцати томах*, Москва 1954, т. II, с. 244. В дальнейшем все цитаты приводятся в тексте по этому изданию, в скобках римской цифрой – том, арабской – страница.

Братьев Кирсановых раздражает бесцеремонное нарушение Базаровым правил светского этикета (он потягивается и не стесняется говорить, что он голодный), пренебрежительность к внешнему виду (у него не одежда, а «одежонка», полотняное пальто, испачканные грязью панталоны, старая шляпа, не чемодан, а «чемоданишко»), небрежность к личной гигиене. В завершение ознакомительной встречи Павел Петрович делает жесты, предсказывающие спор (он не подал руки Базарову и даже засунул ее обратно в карман). Смысл этого жеста можно считать началом невербального спора, который, после объявления Аркадия, что Базаров – нигилист, превращается в спор вербальный. Тезисом в предстоящем межвозрастном споре отцов и детей можно считать дефиницию:

Нигилист, это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип (III, 186).

То, что с точки зрения Аркадия существенно в дефиниции нигилиста: «не склоняется перед авторитетами» и «ничего на веру не принимает», умышленно переиначивается его дядей: «ничего не признает», «ничего не уважает» (III, 186). Здесь применена эристическая техника нарушения конкретного значения понятия путем его обобщения и приписания ему другого смысла (Павел Петрович приписывает противнику мнения, сформулированные им в опоре на стереотип нигилиста, прибегает к насмешке и желчным островам, неуместной иронии).

После формулировки исходных посылок спора происходит уточнение его предмета: отношения сторон к авторитетам и принципам («без принципов, принятых, как ты говоришь [т.е. Аркадий – В. О.], на веру, шагу ступить, дохнуть нельзя», III, 186) и отношения к нормам общественной жизни («принятым в быту постановлениям»), отношения к ученым, например, химикам, и поэтам. Целью спора является определение позиций: отрицания или утверждения названных принципиальных для сторон вопросов. Несмотря на конкретизацию предмета спора, Павел Петрович вместо обоснования тезиса: Базаров – это нигилист, т.е. отрицатель (потому что нигилисты по определению – отрицатели), прибегает к эристическому приему: необоснованному, потому что сформулированному в форме вопроса обобщению: «Это вы все стало быть отвергаете?» (III, 190).

Очередные предположения Павла Петровича сформулированы в форме вопросов: «Значит, вы верите в одну науку?» (III, 190) или «Ну, а насчет других, в людском быту принятых, постановлений вы придерживаетесь такого же отрицательного направления?» (III, 190). На все вопросы Павел Петрович не получил прямых ответов, но он их и не ждал, потому что он ответы составил заранее, основав свое заключение на предпосылках а priori. Анализируемая сюжетная ситуация меняется после того, как участники прерывают спор, ссылаясь на необходимость заняться другими делами (техника диверсии), чтобы к нему через некоторое время вернуться.

Предлог для возобновления спора оказался банальным (замечания в адрес соседнего помещика), но сам его предмет был важным и касался так называемых принципиальных вопросов. Спорщики желают решить принципиальный вопрос о легитимации, т.е. о том, кто в России является ведущей (передовой) общественной силой.

Спор по этому вопросу воспринимается как война, от результата которой зависит будущее не только его участников, но и России. Использование Павлом Петровичем «военных метафор», вырастающих из культурного опыта спора как войны¹⁰, отражает его мышление о споре в категориях войны. Спор назван им «схваткой», «объявлением войны» («У нас еще будет схватка с этим лекарем», III, 211). Павел Петрович не намерен сдаваться в споре « – Ну, я так скоро не сдамся». Эта «военная метафорика» появляется и в повествовательном пласте: «схватка произошла в тот же день за вечерним чаем» (III, 211), оппоненты названы повествователем «врагами».

Параллельно с умеренным по эмоциональному тону голосом Николая Петровича, рассчитанным на сближение с «детьми» в вопросе, что является в России передовой силой, звучит резкий, непримиримый голос Павла Петровича Кирсанова, который без конкретного повода, только потому, что Базаров был назван Аркадием нигилистом, возненавидел его. В разговоре с Базаровым Павла Петровича охватывает «тайное раздражение», которому сопутствуют сильные, хотя тщательно скрываемые эмоции, вплоть до ненависти: «Ненавижу я этого лекаришку,

¹⁰ Дж. Лакофф, М. Джонсон, *Споры, которыми мы живем*, пер. А. Н. Баранова, А. В. Морозова, изд. второе, Москва 2007, с.26–27.

по-моему, он просто шарлатан» (III, 209–210). Спор утрачивает логический и приобретает повышено-эмоциональный характер, аргументы логические заменяются в нем аргументами *ad personam*. Павел Петрович, подозревая, что Базаров не уважает его (личная основа), определил Базарова «гордецом, нахалом, циником, плеебеем». Также и Базаров не дарит симпатией противника, называя его «уездным аристократом», «фатом», т.е. пустым и бесполезным человеком. Эту личную отрицательную характеристику дополнил сам Павел Петрович, приписывая Базарову оценки в свой адрес, которых тот в действительности не формулировал, например, «отсталый колпак», «непутевый человек». Определения в личный адрес, которые появляются в описании спора, как с точки зрения Шопенгауэра, так и современных логиков, являются недопустимым нарушением эристической диалектики.

Несмотря на уничижительную характеристику со стороны Базарова, Павел Петрович в ответ прибегает к манипуляции, подменяя личные мотивы (обида) общим долгом защиты аристократии как ведущей общественной силы (настоящий предмет спора). Его аргументация основана на силлогизме: аристократия, особенно английская, положительна во всех отношениях, я – аристократ, значит, я – положительный человек. Вывод направлен не на утверждение позиции аристократии в целом, а на самого себя (смешение двух типов аргументации: *ad rem* и *ad personam*). Аристократизм является для него принципом, отрицание которого равнозначно утрате нравственных основ. Базаров не признает никаких авторитетов и отклоняет другие, не менее высокие и базовые с точки зрения Павла Петровича понятия: «либерализм», «прогресс», «принципы» как иностранные и бесполезные, ненужные русскому человеку. Лишение реплик противника базовых понятий делает аргументацию шаткой и перевешивает ее весомость в пользу оппонента.

Однако характер аргументов Базарова, например, отождествление «логики истории» с бытовой логикой («положить себе кусок хлеба в рот», III, 213), т.е. с рассудком, показывает совершенное им упрощение (прием приписывания понятиям другого смысла). Павел Петрович на вербальном уровне спора придерживается правил романтической эстетики, чтобы «говорить обо всем красиво». Базаров эту эстетику последовательно осмеивает. В то же время, как считают Дж. Лакофф и М. Джонсон:

«язык спора – не поэтический, причудливый или риторический; он – буквальный¹¹. Последнее замечание утверждает нас во мнении, что стилистическое различие языков (метафорического и разговорного) обоих оппонентов – авторский прием, показывающий разницу между двумя моделями спора – логической и литературной. Кроме того, аргументация спорщиков сравнивается Аркадием, пассивным участником спора, с ходами шахматного игрока, а сам *спор* с видом искусной игры, успех которой зависит от мастерства игрока. Это сравнение показывает, какое значение имело для автора романа искусство вести спор.

Словесные *споры*, – характерная черта дворянской культуры, – названы Базаровым пустой болтовней, потому что они не решают конкретных вопросов. Сомнение в силе слова заменяется убеждением Базарова о перспективности силового разрешения споров, с чем не может примириться Павел Петрович – сторонник цивилизованных методов разрешения общественных конфликтов. Ссылка на силу, акцентирование лексемы «сила» (она несколько раз повторяется), придает ей статус ключевого слова. «Сила» как ключевой аргумент в споре неприемлема для Павла Петровича. Спор достиг своего предела, но не завершился соглашением. В освещении Тургенева компромисс, как завершение спора в русских условиях смены эпох, считается невозможным. Можно заключить, что в представлении молодежи *спор* не приведет к важным выводам, потому что он сам по себе является вздором. «Спор наш зашел слишком далеко... Кажется, лучше его прекратить» (III, 218). Молодые люди уходят, а отцы констатируют: «принадлежим к разным поколениям, не можем найти общего языка» (III, 219).

Рассмотренная сюжетная ситуация *спора* не завершилась сближением спорщиков. Каждая из сторон осталась при своем мнении. Автор очередной раз прерывает спор, выводя героев за пределы его семантического поля, т.е. прибегает к приему диверсии.

Третья картина обсуждаемого спора содержит *ekspresis verbis* сформулированные требования относительно его техник. Они касаются характера аргументации: «*противоположных общих мест*» [курсив автора – Б. О.]. Базаров для выявления сути этого

¹¹ Там же, с. 27.

эристического приема (погрешность силлогизма) восстанавливает ход аргументации в споре и делает вывод: спор, проходящий с нарушением логических правил, не ведет к истине.

– А вот что: сказать, например, что просвещение полезно, это общее место; а сказать, что просвещение вредно, это противоположное общее место. Оно как будто щеголеватее, а в сущности одно и то же.

– Да правда-то где, на какой стороне?

– Где? Я тебе отвечу, как эхо: где? (III, 293).

Итог спора, основанного на обобщениях, а не на фактах и правилах арифметики, или, скорее, отсутствие итога-вывода, обосновывает право Базарова считать себя передовым человеком.

В романе *Дым* политические споры превращаются в ссоры. Радикальная молодежь считает всех других гейдельбергских эмигрантов врагами, что заранее исключает взаимное сближение. В кружке Губарева заботятся о «чистоте убеждений», и эта забота становится причиной ссор, которым сопутствуют сильные эмоции, свойственные аффективным речевым жанрам. Члены кружка не обладают искусством спора. Их споры лишены ясно сформулированного тезиса. Нарушена и диалектика спора. В прениях участники вместо употребления аргументов, обосновывающих или опровергающих тезис, прибегают к повышению голоса, т.е. крику. Неумение спорить является важной чертой характеристики кружка Губарева.

Не лучше проходят споры в исполнении генералов. В них нет предпосылки, объект спора неясен, и можно лишь догадаться, что предметом была экономическая ситуация аристократии и дворянства после крестьянской реформы. Князь Коко, защищая дворянские интересы, «тотчас принялся кричать во всю голову, вместо всяких доводов беспрестанно повторял: *c'est absurde!*» (IV, 107). Легко заметить, что сам автор словами повествователя подрывает авторитет спорщика, уличая его в отсутствии доводов. В этой микросценке произошло полное нарушение правил логического спора, состоящее в отсутствии четко сформулированного тезиса, замене аргументов эмоциями.

Другой участник спора «не умел ни выслушивать, ни понимать возражения и так, несомненно, сам не ведал, в чем собственно состояла *la question*» (IV, 107). Спор кончился ничем. Его предметно-смысловая сторона не была исчерпана, потому что

спорщики не были способны спорить по существу и не разбирались в сути текущих русских дел. Общий интерес они подменяли сословным интересом, воздействуя не на интеллект, но на волю аудитории (преобладание мотивировки над аргументами).

Неспособность гейдельбергских эмигрантов к логическому спору по замыслу автора романа выполняла, как представляется, разоблачительную функцию: ни радикалы, ни генеральское общество не имели права претендовать на передовую общественную силу (результатом гейдельбергских споров стал «дым», т.е. расплывчатое ничто).

В очередном романе *Новь* Тургенев отразил споры политически поляризованных групп: народовольческой молодежи, дворянских ретроградов, либералов, постепенцев. Они имеют еще более политически четкий и принципиальный характер в сравнении с тем, как это было изображено в предыдущих романах. Споры в этом романе отражают желание участников разрешить их не соглашением, но схваткой. Обострение характера споров проявляется в нарушении их диалектики и злоупотреблении эристическими приемами.

Все участники спора руководствуются не желанием выработки общеприемлемого компромисса, а групповыми или личными интересами (преобладание мотивировки над аргументами). Поэтому важен состав участников спора. В нем приняли участие: Сипягин, Калломейцев, Нежданов, Соломин. Калломейцев, исходя из позиций защитника принципов, а в действительности дворянских привилегий (техника подмены исходного тезиса), показал себя в споре непримиримым врагом радикалов. Сипягин как либерал «давно поставил себе правилом [...] уважать всякого рода убеждения, но только с тем [...], чтобы они удерживались в известных границах благопристойности и благоприличия» (IV, 281). Его поддерживала в споре жена, занимавшая (в спорах) позицию арбитра. Нежданов как сословно чужой в собравшемся за столом обществе интуитивно определился как идейный враг Калломейцева. По ходу сюжета к нему примкнули другие идейные соратники – Маркелов и Паклин. Соломин – человек с практической установкой. Он является пассивным участником диспута, проходившего в гостиной Сипягина.

Предметом обсуждения явились злободневные вопросы. Калломейцев, начав с обсуждения политического убийства

в Сербии, прибег к манипуляции, обвиняя в нем «якобинцев и революционеров» (подмена объекта), и дальше конкретизировал этот объект, направляя свою критику в адрес Нежданова (ad personam). Аргументация Калломейцева основана на ссылке на авторитет «великого московского публициста», который в оценке остальных участников спора, особенно Нежданова, авторитетом не был (подмена аргументов мнимым авторитетом). Объектом спора стали личные качества упомянутого публициста, которые, согласно правилам силлогизма, были приписаны Калломейцеву: «– значит, вы разделяете его образ мыслей и мои слова относятся так же к вам» (IV, 282).

Подобное отождествление – очередное нарушение эристической диалектики. Нежданов, в отличие от Калломейцева, придерживался правил спора, возражал, защищал надежды, принципы и идеалы молодежи. Калломейцев же переиначивал смысл его слов, прибегал к пререканиям, перебранке. Его речь иронически названа филиппикой, в которой он «изъявил желание разбить, превратить в прах всех тех, которые сопротивляются – чему бы и кому бы ни было!». Спору сопутствуют сильные эмоции. Он назван схваткой, а оппоненты – врагами.

Отметим, что в рассматриваемой модели спора усиливается голос арбитра, призывающего спорщиков к взаимопониманию и согласию:

– Под моим кровом, [...] нет ни якобинцев, ни клеверов, а есть только добросовестные люди, которые однажды поняв друг друга, непременно кончат тем, что подадут друг другу руки! (IV, 283).

Его голос нельзя назвать контраргументом в споре, а скорее приемом диверсии, желанием прекратить спор. Сипягин осуждает обоих спорщиков: Нежданова за «невоздержность языка», Калломейцева за «ожесточение его нападков на людей противоположного лагеря». Вмешательство Сипягина в спор имеет значение для его личной характеристики и определения идейной позиции «среднего». В этой роли Сипягин пытается нейтрализовать резко поляризованные голоса спорщиков, особенно Калломейцева, вступившего в спор с Соломиным по поводу роли дворянства и новых промышленников недворянского происхождения в экономической и политической ситуации пореформенной России. Однако цель действий Сипягина не в выяснении истины, но в реализации личных интересов (он желает уговорить талантливую инженера

и менеджера Соломина оставить фабрику купца Фалеева и заняться его писчебумажной фабрикой). Эта личная установка предопределяет позицию Сипягина в споре.

Основной тезис Калломейцева сводится к утверждению позиции русского «landed gentry» (среднего дворянства), но он формулирует свой тезис в форме вопросов к собеседнику, а затем использует его ответы, отчасти сам их формулируя, для обоснования справедливости исходного тезиса, т.е. прибегает к одной из эристических техник спора. Этот испытанный способ не приносит ожидаемых результатов, потому что Соломин не подчиняется провоцированию противником. Он формулирует логические контраргументы, не допускающие двусмысленности в понимании его собственных слов. Повествователь отмечает, что в других ситуациях Соломин говорил мало, но «слушал пристально, и если произносили какое-либо суждение или замечание, то оно было и дельно, и веско, и очень коротко» (IV, 293), и не желал навязывать свое мнение другим, т.е. соблюдал правила прагматики в споре.

Хозяин дома прервал спор между Калломейцевым и Соломиным, произнеся длинную речь, которая отличалась высокой степенью общности и не привела к завершению спора конструктивным заключением, но, наоборот, размыла сам его предмет. В результате вопрос о возможности восстановления исторической роли среднего дворянства перешел на второй план в сравнении с частным вопросом: быть или не быть своему хозяйству.

Следует отметить, что функция спора в романах Тургенева состояла не в том, чтобы выяснить истину, а в том, чтобы указать на передовую силу. Участники споров устремлены на утверждение своих взглядов и поэтому они прибегают к эристическим техникам недобросовестного спора. Внимание автора сосредоточено больше на участниках, чем предмете спора. Однако факт, что положительными участниками споров выступили не бескомпромиссные спорщики – Рудин, Паншин, Базаров и Павел Петрович Кирсанов, не Нежданов и Калломейцев, а Волынцев и Лаврецкий, Николай Петрович Кирсанов, либерал Сипягин и постепеновец Соломин свидетельствует о том, что Тургенев, – внимательный наблюдатель и активный участник общественной жизни, – был сторонником не спора и силового решения спорных вопросов, но диалога и компромисса.

Summary

BARBARA OLASZEK

**ERISTIC TECHNIQUES IN THE LITERARY MODEL OF *DISPUTE*:
IVAN TURGENEV'S CHOSEN NOVELS**

The subject of discussion in the present paper is the model of the dispute as a speech genre created by Ivan Turgenev. Special attention is paid to eristic techniques of disputation. Eristic techniques (those proposed by Schopenhauer) determine the intention of a dispute aimed not at establishing the truth, but at convincing the addressees of the validity of argumentation presented by certain disputants. An analysis of the course of the disputes in Turgenev's novels allows us to notice the use of many eristic techniques, in particular, the shifts of emphasis from the subject of the dispute (*ad rem*) to the disputing persons (*ad personam*). It proves that the writer focuses on pointing to the forces that can lead Russia towards a better future, rather than on looking for a way of solving problems. A positive characterization of the moderate disputants, while not of the fierce ones, allows for a more precise conclusion: Turgenev was a supporter not of eternal disputes but of dialogue and compromise.

Key words: eristic techniques, dispute, subject of the dispute, the disputing persons, Ivan Turgenev, Russian literature.